

МЯ БРАТЬЕВ Берригэн — Даниеля и Филиппа известно всей прогрессивной Америке. Своей бескомпромиссной борьбой против американской агрессии в Юго-Восточной Азии они стяжали общенациональную славу. Губеровские ищейки неотступно преследовали их, пока Дэн и Филипп скрывались. Сейчас оба брата отбывают длительное тюремное заключение. Власть готовит против них новый провокационный процесс, грозящий превратить их заточение в пожизненное. Но дух братьев не сломлен. И в тюрьме они продолжают сражаться против молоха войны.

ПОСТАНОВКА в лос-анджелесском театре «Марк Тейпер форум» документальной пьесы «Суд над кейтсвилльской девяткой», пожалуй, самое удивительное из всех приключений находившегося в подполье Даниеля Берригэна. ФБР знало, что спектакль готовит экспериментальная труппа во главе с режиссером Гордоном Дэвисом. Знала ФБР и о том, что режиссер и актеры встречаются с Берригэном, консультируются с ним.

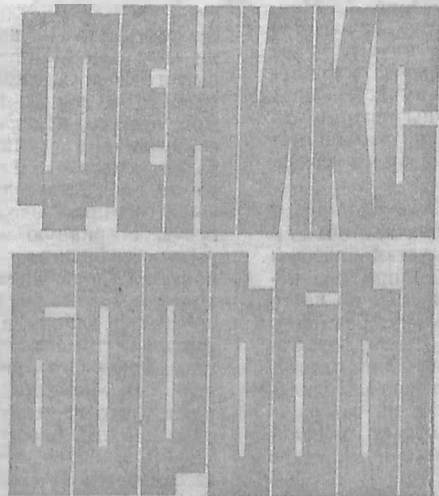
Здание театра, составляющего сердцевину культурного комплекса Лос-Анджелеса «Мюзик сентер», находилось под неусыпным наблюдением детективов. Служебные и домашние телефоны режиссера и актеров были подключены к подслушивающей аппаратуре Федерального бюро расследований. В день премьеры зал «Марк Тейпер форум» был набит агентами ФБР, которых набралось больше, чем театральных критиков. Но дичь упорно не шла в расставленные для нее силки. На сцене ходил актер, загримированный

под Берригэна, сам Дэн оставался неуловимым.

Не отклоняясь от документальной основы — протоколов судебного процесса, Дэн Берригэн строил пьесу на конфликте между властями и народом; война во Вьетнаме аморальна, преступна. По ходу действия даже прокурор вынужден признать, что «люди, верящие в аморальность вьетнамской войны, — это далеко не обязательно сумасшедшие». (Реплика, взятая дословно из протоколов судебного процесса). Но почему же подсудимые не ограничились чисто символическим жестом, скажем, сожжением лишь одного военного билета? — продолжает прокурор. Ведь этого было бы вполне достаточно для выявления их философской позиции — морального неприятия войны во Вьетнаме. Конечно, отвечает своей пьесой Берригэн, но дело в том, что агрессоры сжигают во Вьетнаме не символические города и села, убивают не символических мужчин и женщин. В этих условиях одни жесты протеста становятся не только недостаточными, они начинают дурно пахнуть лицемерием.

«Мы ждем от вас не жалости. Мы ждем от вас понимания», — говорилось в записанном на пленку обращении Берригэна к зрителям. Оно проигрывалось перед началом каждого представления. Спектакль шел с громадным успехом. Но через неделю его сняли. Рокфеллеровскому фонду, финансирующему театр «Марк Тейпер форум», пьеса пришлась не по вкусу.

ЗАПРЕЩЕННАЯ в Лос-Анджелесе и снятая с подмостков «Марк Тейпер форум», пьеса Дэна вновь вспорхнула фениксом над нью-йоркским Бродвеем. По случайному совпадению, постановку пьесы возобновила театральная труппа под названием «Феникс».

Мэлор СТУРА

В ходе репетиций выяснилось, что ни один владелец театральных помещений, расположенных на самом Бродвее, не желает предоставлять кров мятущемуся «Фениксу». Эти джентльмены заламывали такую цену, что у «Феникса» бессильно опускались крылья. Джентльмены, кокетничая своим либерализмом, лицемерно сокрушались, что вынуждены отказаться от превосходного шоу, разумеется, не по политическим соображениям, а по чисто финансовым. Как жаль, говорили они.

И тем не менее «Фениксу» удалось свить гнездо в Нью-Йорке. На помощь постановщикам спектакля, которые уже были близки к отчаянию, пришла пресвитерианская церковь «Гуд Шеперд Фейт». Это небольшая, неказистая церквушка,

стоящая с 1883 года на углу 10-й авеню и 66-й стрит. Количество ее постоянных прихожан не превышает двухсот. До самого последнего времени мало кто знал или даже слышал о «Гуд Шеперд Фейт» за пределами пятачка на Вест-энде, примыкающего к Линкольн-центру. Но с недавних пор о ней заговорили. Прихожане церкви — белые и черные — активно включились в борьбу за мир и расовое равноправие.

Вот почему «Феникс» обратился за помощью именно к «Гуд Шеперд Фейт», и вот почему последняя помогла «Фениксу». Обсудив просьбу продюсера Хэйварда и режиссера Дэвидсона, того самого, что ставил пьесу Дэна в Лос-Анджелесе, прихожане решили: «Мы категорически выступаем против войны в Индокитае. Мы рассматриваем эту войну как глубоко аморальную и несправедливую. Поэтому мы идем навстречу театру «Феникс» и рассматриваем этот шаг в качестве нашего вклада в борьбу за мир».

Усилиями актеров и прихожан церковные покои были превращены в театральный зал. На месте алтаря возникли подмостки, сколоченные из досок. На крюках, где раньше скучали лики всевозможных святых, повесили осветительную аппаратуру. В одной из исповедальных обурдовали кассу. Декорации воздвигли минимальные: судейская кафедра, два столика — для прокурора и адвоката и две скамьи — для подсудимых и присяжных. Занавес вешать не стали — зритель должен был чувствовать себя не в театре, а в суде. Отказались и от звонка, возвещающего о начале представления. Его заменил судебный молоток. Билетеров в проходах нарядили полицейскими, а состав присяжных — двенадцать «разгневанных» мужчин и женщин — стали избирать из публики.

НЕСМОТЯ на тюремные препоны, Дэн все время поддерживал связь с «Фениксом». Он заново переработал пьесу для нью-йоркской постановки, обогатив и углубив ее опытом подполья и заключения. Пьеса стала более сжатой, острой и динамичной.

Советы Дэна имели для нас огромную ценность. Он живо интересовался ходом репетиций. Но тем не менее у меня сложилось впечатление, что судьба пьесы заботила его куда меньше, чем реальные трагические события, например в Камбодже, или недавние политические процессы в Америке, — вспоминал впоследствии Гордон Дэвидсон.

Неистовый Дэн обратился к актерам с замечательным посланием, в котором он излагал свои взгляды на искусство, на его место в жизни общества и назначения. Я цитирую его почти целиком:

«Многое из того, что идет на Бродвее и вне Бродвея под рубрикой «Драма», весьма далеко от политики и не отражает реальное лицо этого мира. Оно лишь припудрено фривольностью и инспирировано жадной наживы. Продюсеры, загребущие бешеные деньги, способствуют усилению общественной индифферентности, которая развивается у людей забывчивость и страх перед действительностью. Мы заточены в порочный круг, где драма как развлечение стимулирует моральную деградацию человека».

Как нам помочь моральному возрождению американцев?

У меня нет готового ответа на этот вопрос. Я, честно говоря, просто не знаю его... Но мне кажется, что актеры обязаны бороться с обступившей нас тьмой, обязаны высекать своим творчеством свет разума и передавать его людям. Они должны нести со сцены слова тех, кто томится в тюрьмах, кто скрывается в под-

полье, кто страдает в изгнании. Их гололом должны говорить павшие в боях. Наконец, они должны заставить заговорить и «молчаливое большинство».

Да, быть в наши дни человеком подмостков — это особое искусство. Это означает быть человеком, которому есть что сказать другому человеку. Вот почему связь между театром и движением сопротивления должна стать осязательной и прочной. Такую связь не под силу создать одним актерам. Она может возникнуть лишь во взаимоотношениях актера и зрителя.

Некоторые из вас, наверное, слышали об обстоятельствах моего побега из Корнельского университета, оцепленного агентами ФБР. Вспоминая о нем, я невольно думаю, что особый аромат этой истории заключается в следующем: совершить побег мне помогли актеры студенческой театральной труппы «Хлеб и марионетки». Они «одолежали» мне великолепную гигантскую куклу, изображавшую одного из двенадцати апостолов. Забравшись в нее, я протопал по залу мимо агентов, погрузился в автофургон и скрылся.

Я надеюсь, что между вашей игрой на сцене и моей деятельностью в тюрьме существует внутреннее единство. Состоит оно, как мне думается, в том, что все мы, каждый на своем месте, подогреваем и подстегиваем события».

ПРЕМЬЕРА спектакля прошла с огромным успехом, став событием и в культурной, и в политической жизни Америки. Ведущий театральный критик «Нью-Йорк таймс» Уолтер Керр писал: «Люди, ходившие по сцене, не были актерами в обычном смысле слова. Актеры имитируют персонажей. А эти люди замаскированы, ибо последние не могли присутство-

вать в «Гуд Шеперд Фейт». Они находились в тюрьме Дэнбэри... Режиссер Гордон Дэвидсон и продюсер Лейлэнд Хэйвард создали... кошмар сегодняшнего дня, поставили не просто пьесу, а вопрос о будущем будущего... Они сделали размышление человеческой обязанностью». По словам театрального критика «Нью-Йорк пост» Ричарда Уотса, «Суд над кейтсвилльской девяткой» стал судом над современной Америкой, стал почти всеми аспектами ее политики — внешней и внутренней. Он заклеил ее как наследницу нацизма, проповедующую отвратительные, отталкивающие доктрины...»

Согласно первоначальным наброскам постановщиков, тесным финансовыми трудностями, спектакль ограничивался двумя-тремя неделями. Однако он продолжался под сводами «Гуд Шеперд Фейт» всю весну и лето. Длинные — от стены до стены — коричневые церковные скамьи, разнумерованные под театральные кресла, никогда не пустовали. Даже те двенадцать мест, которые освобождались в ходе спектакля после выбора «присяжных» из числа зрителей, немедленно заполнялись счастливыми из очереди перед кассой.

«Феникс» стал и своеобразной штаб-квартирой движения за освобождение Берригэнов и их сподвижников. Сбылась мечта Дэна о связи театра с сопротивлением. Актерам было что сказать зрителям, и из их взаимоотношений постепенно выковывалась цель единения. После окончания каждого спектакля артисты уходили на несколько минут за кулисы, снимали грим с лица, переодевались, а затем вновь возвращались на сцену для «часа вопросов и ответов», ставшего неотъемлемой частью представления. Задавал вопросы — о деле Берригэнов, об их жизни, о Вьетнаме, об ан-

тиколонизме, о шефе ФБР Гувере, о том, что есть истина, где искать ее и как, — зрители превращались в действующих лиц. А у выхода их встречали молодые люди с бумажными мешками для сбора пожертвований на защиту «преступников мира».

Зрителям вместе с билетами вручалась листовка, отпечатанная на желтой бумаге. В листовке говорилось: «Дорогой друг! Мы хотим, чтобы ты, следя за ходом спектакля, задумался о проблемах, которые он ставит, и об их месте в этом реальном мире. Незадолго до своего ареста Дэн Берригэн сказал: «Я предпочитаю, чтобы военные преступники судили меня как преступника мира». Сегодня в нашей стране многие «преступники мира» находятся в тюрьмах и концентрационных лагерях. Дорогой друг, ты можешь и должен помочь их освобождению. Ведь это люди, которые, подобно отцу Дану, предпочли путь борьбы против смерти, во имя жизни человека».

В памятный вечер первого сбора денег в роли адвоката в спектакле выступил не актер Дэвид Филлиберг, обычно играющий ее, а Вильям Канстлер — реальный защитник «кейтсвилльской девятки». Зрители устроили ему бурную овацию. Несколько позже университет Нотр-Дам (штат Индиана) присудил Канстлеру свою ежегодную премию под девизом «Немедленно и любыми средствами положить конец войне». Решение нотрдамцев вызвало крупную сенсацию. Ведь до самого последнего времени их премия имела девиз «Патриот года», а ее лауреатами были Эдгар Гувер, Ричард Никсон, Боб Хоуп и генерал Уэстморленд!

Феникс борьбы продолжает свой полет...

ПЬЮ ЛОРК.